

**Геоинформационное и картографическое обеспечение
экологических, экономических и социальных аспектов
устойчивого развития территорий и проблемы глобализации**

**ANALYSIS OF CORRELATION BETWEEN CONSUMPTION AND REVENUE IN
RWANDAN ECONOMY (ECONOMETRIC APPROACH, PERIOD OF STUDY: 1980-2012).**

HABYARIMANA CYPRIEN

Independent Institute of Lay Adventists of Kigali, Department of Economics, Po Box 6392

Abstract.

This study was designed to make analysis of correlation between consumption and revenue in Rwandan Economy; but for having a deep analysis; other macroeconomic variables have been included such as: consumer price index and interest rate. Without a deep and safe analysis of the macroeconomic variables, our economy will not have a trend to follow.

The econometric approach has been used for dissecting those macroeconomic variables, and various tools have been applied for avoiding the problem of spurious, nonsense regression. After running the model, the different results have been shown. Considering the model as whole, the correlation is high, R^2 is 98%. The regression has provided the long-run relation between those macroeconomic variables, but the error correction model has not provided any information.

In a given country if the consumption is not managed and linked with its explanatory variables, the economy is not sustained, reason why the present research has been conducted for showing the correlation between those variables and consumption and then after, there are the proposed measures for a sustainable economy after interpreting the results found.

**АТЛАСНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ**

¹*В.А.Колосов, ²Л.Г.Руденко, ³В.С.Тикунев,*

¹*А.А. Герцен, ³Е.Д.Головина, ¹М.В. Зотова, ¹А.С. Себенцов*

¹*Институт Географии РАН, Лаборатория геополитических исследований.*

Москва, Старомонетный пер., 29

²*Институт Географии НАНУ,*

Киев, Владимирская ул, 44

³*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Географический факультет

Москва, Воробьевы горы, 1

ATLAS INFORMATION SYSTEM OF RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLAND

¹*V.A.Kolosov, ²L.G.Rudenko, ³V.S.Tikunov,*

¹*A.A.Gercen, ³E.D.Golovina, ¹M.V.Zotova, ¹A.S.Se bentsov.*

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonrtny per, 29. Moscow.*

²*Institute of Geography NASU*

Kiev, Vladimirska ya st., 44

³*M.V.Lomonosov Moscow State University, Geographical Faculty,*

Vorob'evy Gory, 1 Moscow 119991 Russia

Abstract.

Ukraine and Russia are linked by a common centuries-old history. Our countries are faced against difficulties as the long-pending modernization of the economy and natural decline in the population, obsolescence of fixed funds and lack of investment, need for reorganization in social sphere, etc.

The authors consider the cross-border cooperation as the essential part of consensus searching between Russia and Ukraine, the condition for living standards and growth in prosperity of millions of people in the borderlands.

This article is based on the first results of the Ukrainian-Russian project, which purpose is to create the Atlas Information System (AIS) for identifying priorities in cross-border cooperation and coordinated spatial development of the Russian and Ukrainian cross-border regions, based on inventory of natural, social and economic opportunities and comparison study of trends of evolution.

Общие положения и методологические подходы

Украина и Россия связаны общей многовековой историей, тысячами людских судеб. Неудивительно, что наши страны сталкиваются со многими сходными проблемами – давно назревшей модернизации экономики и естественной убыли населения, старением основных фондов и нехваткой инвестиций, необходимостью реформ в социальной сфере и т.п. В таких условиях сохраняется насущная потребность в поддержании экономических и гуманитарных связей, координации реформ.

Актуальность исследования пограничья двух стран была первоначально вызвана необходимостью исследования воздействия стремительно возникших государственных границ на развитие новых приграничных регионов, поиска путей смягчения негативного влияния появившихся пограничных барьеров на экономические связи и жизнь населения, оказавшегося по разные стороны границы. Эти проблемы актуальны и поныне, но к ним прибавились новые задачи, связанные с приграничным сотрудничеством в условиях участия двух стран в разных интеграционных системах: СНГ, Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ТС/ЕЭП), с одной стороны, и ассоциации Украины с ЕС, с другой. Важно преодолеть такие препятствия для пограничного сотрудничества, как различия в компетенциях региональных и местных властей, инвестиционном климате, в величине, структуре и степени открытости экономики и др.

Авторы рассматривают приграничное сотрудничество как важнейшую часть поиска взаимопонимания между Россией и Украиной, условие нормальной жизни и роста благосостояния миллионов людей в обширном пограничье, кровно заинтересованных в сохранении максимально «прозрачной» границы. Взвешенный аналитический взгляд на существующие проблемы, подкрепленный фактами и научной аргументацией, позволяет избежать политизации приграничного сотрудничества.

Настоящая статья основана на первых результатах украинско-российского проекта, поддержанного ДФФИ и РФФИ, цель которого – создание атласной информационной системы (АИС) для выявления приоритетов приграничного сотрудничества и координированного территориального развития приграничных регионов России и Украины на основе инвентаризации их природного и социально-экономического потенциала и сравнительного анализа трендов их постсоветской эволюции. Решение этой задачи потребовало на первом этапе создания базы территориально-дробных данных по приграничным областям, административным районам и городам двух стран и состоянию их природной первоосновы в постсоветский период, разработки концепции АИС и методики математико-картографической интеграции данных для формирования интегральных индексов и индикаторов приграничного сотрудничества.

Создание базы данных сопоставимых показателей оказалось непростой задачей из-за необходимости пересчета стоимостных показателей по курсу национальных валют и по паритету покупательской способности (ППС), но особенно из-за учета различий между странами в определениях и методике исчисления даже, казалось бы, одинаковых показателей (например, товарооборота розничной торговли). Насколько было возможно, авторы стремились использовать натуральные показатели – валовые сборы основных сельскохозяйственных культур, продуктивность сельскохозяйственного производства и т.п. Составление сравнимых динамических рядов наталкивалось на разновременность начала расчета в Украине и России ВРП и иных новых для национальных статистических служб показателей, переход в России к новой классификации отраслей народного хозяйства и другие подобные проблемы. Использование накопленной в ходе работы над национальными атласами двух стран богатой природоведческой информации ограничивалось разными методами сбора данных и картографирования, масштабами и проекциями карт.

Необходимость устранения существующих информационных барьеров, дублирования сбора пространственных данных, их эффективное использование привели к реализации ряда национальных и международных региональных инфраструктур пространственных данных – ИПД (spatial data infrastructure - SDI). Именно ИПД могут служить надежной основой комплексных цифровых моделей территорий, которые, в свою очередь, необходимы для реализации на этих территориях тех или иных моделей устойчивого развития, в нашем случае российско-украинского пограничья. Это, прежде всего, виртуально-реальная модель ключевых участков пограничья, дополняемая множеством упорядоченных снимков, но самое главное тематическими слоями, социально-демографическим, экономическим, экологическим и т.д. Эффективным инструментом создания таких моделей могут быть атласные информационные системы (АИС) [Ormeling, 1995; Тикунов, 2002, 2004; Краак, Ормелинг, 2005 и др.]. Такие системы обычно имеют развитые моделирующие функции, могут интегрировать экспертные системы и оформляться как полномасштабные мультимедийные конструкции. АИС позволяют аккумулировать разнообразные информационные ресурсы, моделировать, визуализировать и проводить разнообразный анализ, вплоть до

разработки сценариев и возможных вариантов развития таких комплексных систем как «природа–общество–хозяйство пограничных регионов».

В содержательном плане структура комплексной АИС характеризуется тесно связанными между собой блоками – социально-политическим, экономическим (производственным), природно-ресурсным и экологическим. Эти блоки в целом характеризуют социоэкосистемы различного территориального ранга, подчеркивая значимость не только природных, но, прежде всего, человеческих ресурсов. По всем тематическим сюжетам показывается иерархия их изменений - от всего российско-украинского пограничья до локального уровня ключевых участков, с учетом специфики характеристики явлений при разных масштабах их отображения. Здесь реализуется принцип *гипермедийности* системы, когда сюжеты соединяются ассоциативными (смысловыми) связями, например, сюжеты более низкого иерархического уровня не только отображают какой-либо тематический сюжет в соответствующем масштабе, но и как бы раскрывают, разворачивают, детализируют его.

Обращаясь к любым тематическим аспектам, показывают не просто фактическое состояние, а подчеркивают закономерности в развитии явлений. Это требует, как минимум, обязательного рассмотрения почти всех тематических сюжетов в динамике, что и реализуется в соответствии с принципом *эволюционности и динамичности* в АИС. В основном это характеристики явлений за базовые временные периоды или годы, а также тематические анимации. Необходимо также указать на принцип *блочности* системы, поскольку отдельные логические блоки могут видоизменяться, пополняться или расширяться, не меняя структуры всей системы.

Одно из важнейших приложений таких систем – разработка сценариев для развития пограничья и его ключевых районов. В этом случае реализуется принцип *многовариантности*, когда конечному пользователю предлагается ряд интересующих его решений, например оптимистические, пессимистические и т.д. сценарии. В реальной жизни это может быть характеристика тех изменений, которые произойдут, например, при реализации каких-либо совместных проектов. Разработка сценариев нередко требует обращения к элементам *интеллектуализации*, когда экспертные системы и применение нейронных сетей помогают в условиях большой сложности, зачастую при существенной нечеткости задач получать приемлемые результаты.

Очень важны возможности *содержательного моделирования* (mining modelling) сложных явлений в рамках информационной системы. Основой подобного моделирования служит комплексный системный подход к моделированию социоэкосистем.

Современные АИС имеют рабочий инструментарий, позволяющий пользователю самому создавать картографические сюжеты, обращаясь к картографической основе и получая требуемые данные, например через сеть Интернет. Очень важны специализированные средства математического моделирования, прежде всего направленные на разработку различных сценариев перехода регионов страны к моделям их устойчивого развития. Наиболее развитые системы могут служить полномасштабными системами поддержки принятия решений. Наконец, следует отметить, что АИС должны базироваться и на принципе *мультимедийности (многосредности)*, что облегчает процесс принятия решений.



Рис. 1. Политико-административная карта Белорусско-Российско-Украинского приграничья, 2013 г.

Структура АИС и тематические блоки

Один из наиболее значительных разделов атласа составят карты, показывающие современное состояние населения и хозяйства приграничных районов и потенциал сотрудничества между ними: динамику численности и состава жителей в постсоветский период, трансграничные миграции, степень урбанизированности, инвестиции, изменение и структуру ВРП, промышленного и сельскохозяйственного производства. Необходимо сопоставить также социальные показатели приграничных районов: среднедушевые доходы и средний уровень зарплаты, розничный товарооборот на одного жителя в пересчете по ППС, безработицу и др. Возможности взаимодействия между сопредельными районами двух стран отражают взаимодополняемость хозяйства, наличие трансграничных, единых в еще сравнительно недалеком прошлом систем расселения, градиенты в уровне экономического и социального развития. Чем ниже его перепады на границе, тем, как правило, более благоприятны предпосылки для приграничного сотрудничества. Оно зависит также от характера коммуникаций – класса и плотности автомобильных и железных дорог, пересекающих границу, в расчете на 100 км ее протяженности, плотности и типа пограничных переходов.

Нынешний уровень хозяйственного взаимодействия между соседними областями проявляется во внешнеторговом обороте по отношению к их ВРП. На картах атласа найдут отражение трансграничные транспортные, производственно-сбытовые, партнерские и культурно-образовательные сети. Важнейшая предпосылка сотрудничества – идентичность и культурно-бытовые контакты между жителями приграничья. Участниками проекта на основании полевых исследований уже составлены карты встречаемости элементов украинской культуры в российских приграничных регионах и русской – в украинских. Наконец, в атласе должна быть отражена уже созданная инфраструктура сотрудничества, в особенности деятельность еврорегионов.

Демографический блок

В целом регион Белорусско-Российско-Украинского приграничья достаточно высоко урбанизирован. Лишь в трёх западных областях Украины (Ровненская, Волынская, Житомирская) и Краснодарском крае с Адыгеей доля городского населения около половины или несколько более. Во всех остальных регионах горожан больше 60%. Высоко урбанизированными (60–75%) может считаться большинство остальных (в порядке возрастания): Херсонская, Черниговская, Воронежская, Курская, Белгородская, Ростовская, Сумская, Брестская области, Крым (с Севастополем), Псковская, Брянская, Смоленская, Гомельская, Витебская области. Сверхвысоко урбанизированы (более 75%) Запорожская, Могилёвская, Харьковская области, Киевский регион, Луганская и в особенности Донецкая область, где численность городского населения превышает 90%.

В приграничье Белоруссии, России и Украины имеется достаточно большое число крупных и крупнейших городов, численность населения в некоторых из них превышает 1 млн. чел. Всегда здесь административный центр – наиболее крупный город региона и во всех из них проживает более 100 тыс. жителей. Притом тех центров, где население не достигает 250 тыс. не много – Псков, Луцк, Ровно, Майкоп. В эту же категорию относятся и многие «вторые» города региона, не выполняющие региональные политико-административные функции: особенно много их в Белоруссии – Орша, Бобруйск, Мозырь, Пинск, Барановичи, есть на Украине и в России – Белая Церковь, Бердянск, Керчь, Волгодонск, Старый Оскол и др. Наибольшее количество областных центров – крупные города с населением от 250 до 500 тыс. чел.: Витебск, Могилёв, Брест, Смоленск, Брянск, Курск, Белгород, Житомир, Чернигов, Сумы, Луганск, Херсон, Симферополь и Севастополь, Мариуполь, а также Сочи и Таганрог, не являющиеся областными центрами.

Восемь городов региона относятся к крупнейшим. В пяти из них проживают более полумиллиона человек Гомель, Запорожье, Краснодар, Воронеж, Донецк. Притом, что три последние с пригородами – миллионеры и даже были ими самостоятельно (Донецк) или вплотную приблизились к ним (Воронеж). В трёх городах живёт более 1 млн. чел. – Ростов-на-Дону, Харьков и Киев. В на основе крупнейших городов регионе сложились значительные агломерационные системы. В Белорусско-Российско-Украинском пограничье расположены все три крупнейшие агломерации Украины – Киевская, численность населения которой, превышает 4 млн. чел., Харьковская и Донецкая (по 2 млн. чел.).

При этом следует учитывать, что в Донбассе сложилась крупнейшая конурбационная система, объединяющая не только Донецкую, но и другие крупные агломерации востока Украины – Горловско-Енакиевскую, Луганскую, Алчевско-Стахановскую, Лисичанско-Северодонецкую и др., охватывающая большую часть населения Донецкой и Луганской областей – 6,7 млн. чел. При этом российская часть Донецкого бассейна оказалась отрезана от украинской государственной границей, но также образует конурбационную систему – Ростовско-Шахтинскую полицентрическую агломерацию (ок. 3 млн. чел.). В общей сложности Донецко-Азовская агломерационная система, насчитывающая ок. 10 млн. чел., является второй (после Московской) крупнейшей на постсоветском пространстве.

Ещё одной важнейшей агломерационной системой, притом также трансграничной и довольно интенсивно формирующейся, является Харьковско-Белгородская (ок. 3 млн. чел.). Расстояние между областными центрами составляет менее 70 км. Окраины Харькова, в прошлом четвертого по величине и промышленному потенциалу города СССР, находятся всего в 25–30 км от российской границы.

Три другие крупнейшие агломерации расположены в отдалении от непосредственного пограничья – Воронежская (1,3 млн. чел.), Краснодарская (1,3 млн. чел.), Запорожская (1 млн. чел.).

Демографическая ситуация в Белорусско-Российско-украинском пограничье отражает тенденции депопуляционных процессов, характерные для Белоруссии, России и Украины в целом. Раннее вступление «старых» в демографическом плане регионов на путь демографического перехода, интенсивная урбанизация, массовое переселение сельских жителей в города в сочетании с однородным в этническом отношении составом населения (преимущественно славянское, балтийское и финно-угорское население, то есть народы с традиционно низким уровнем рождаемости) обусловили «лидерство» этих регионов и в процессах падения рождаемости, и в её чрезвычайно низких величинах, далеко не обеспечивающих даже простой режим воспроизводства населения. Эти же регионы характеризуются повышенными показателями смертности, в этом повинна и сложившаяся возрастная структура населения, где доля лиц пожилых возрастов является высокой, что и дает повышенные статистические показатели смертности. Повышение доли лиц пожилого и преклонного возраста сопряжено с уменьшением доли трудоспособных возрастных контингентов. По мере старения населения важнейшей проблемой для экономики этих приграничных регионов будет растущее давление на государственный бюджет и обострение потребности в финансировании систем пенсионного обеспечения и социальной защиты населения (Российско-Белорусское приграничье..., 2012).

Демографический кризис – общий фон социальных и экономических процессов в Белоруссии, России и Украине. Показатели естественного движения и в российских, и в украинских областях очень плохи: смертность значительно превышает рождаемость. Все же в украинском приграничье они в целом хуже, чем в российском. Рекордно низкий показатель – у Черниговской области, в которой превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2008 г. двузначной цифрой (-12,2). В целом несколько ниже в российских областях доля пенсионеров в населении.



Рис. 4. Карта динамики численности населения
Белорусско-Российско-Украинского приграничья, 2000–2012 гг.

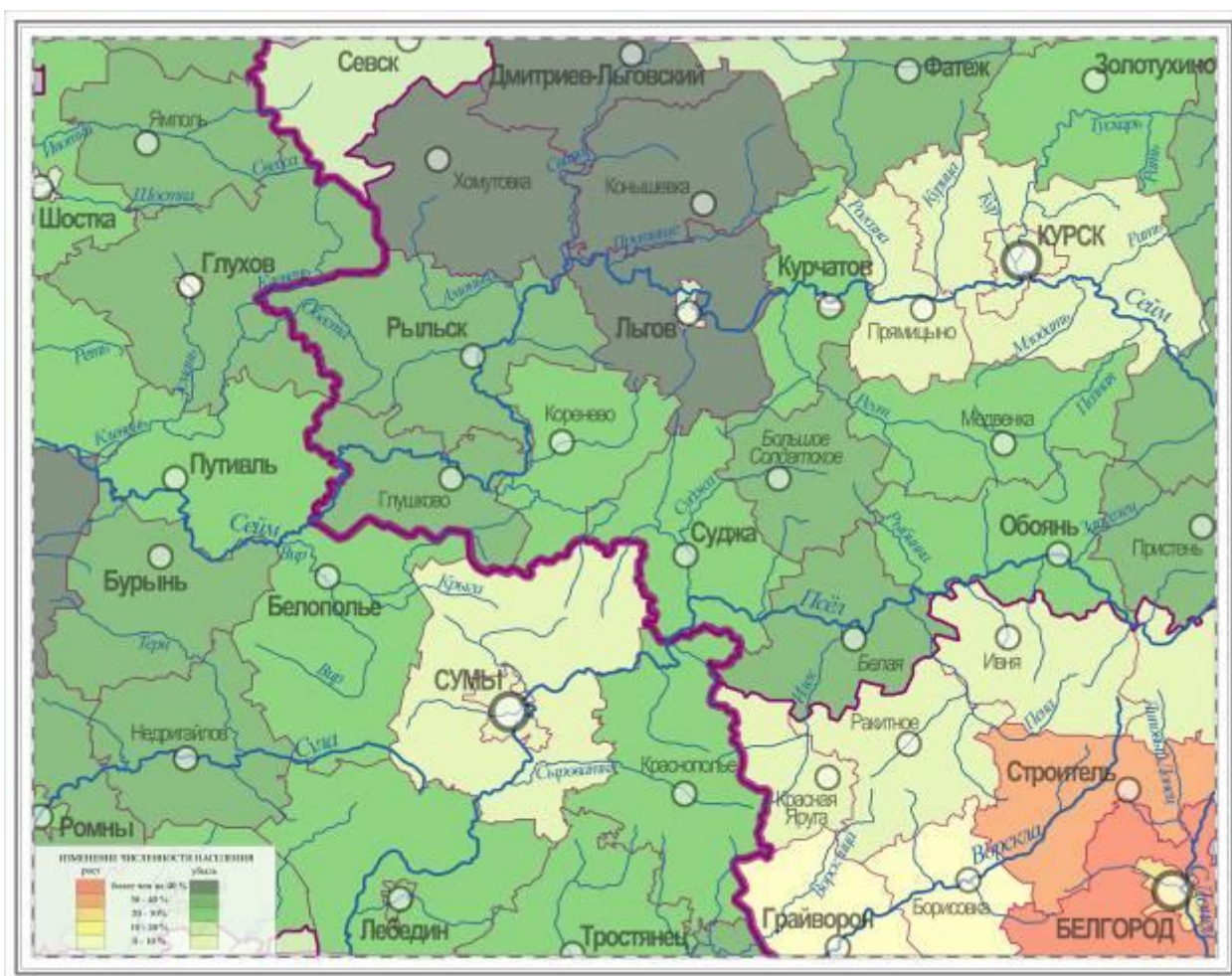


Рис. 5. Карта динамики численности населения Курско-Сумского участка Российско-Украинского приграничья, 1989–2012 гг.

На изменение демографической ситуации в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность. Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части российско-украинского пограничья, второй – в западной, более сельской. Распространенное мнение о том, что Украина – один из миграционных доноров России, не совсем соответствует действительности. Обеспечение экономического роста при сокращающемся демографическом потенциале неминуемо рождает между соседними регионами конкуренцию за тающие людские ресурсы. Интенсивность оттока населения из Украины в Россию за период после распада СССР была низкой по сравнению с другими странами СНГ. Из Украины в Россию прибывает много трудовых мигрантов, но менять свое место жительства они не торопятся. Такая же логика поведения мигрантов прослеживается и в приграничной зоне. Основной вектор миграционных перемещений направлен не из одной страны в другую, а из села в город и из малых городов в крупные. Неблагоприятная демографическая ситуация – старение и естественная убыль населения – может привести к постепенному сокращению социального капитала сотрудничества. Внутренний стимул к интеграции сохраняется благодаря глубоко субъективным обстоятельствам, эмоциональным переживаниям людей, которые связаны с их прошлым, с общим опытом учебы и работы, взаимным доверием, дружбой, любовью, родственными отношениями. Но людей, живших в единой стране, становится все меньше. С возрастом люди теряют энтузиазм преодолевать искусственные пограничные барьеры и надежду на их ослабление. А молодежь, живущая с разных сторон границы, не только может утратить общность интересов, но и в численном отношении начинает уступать старшим поколениям. Падает интенсивность повседневных трансграничных контактов – один из важнейших индикаторов реального существования приграничных регионов как территориальных сообществ (Российско-Украинское пограничье..., 2011).

Негативные демографические процессы продолжались и в последнее десятилетие. С 2000 по 2012 г. численность населения Белоруссии сократилась на 537,3 тыс. чел. (т.е. на 5,7%), России – на 3833,7 тыс. чел. (т.е. на 2,7%), Украины – на 3481,3 тыс. чел. (т.е. на 7,6%). Как видно, спад населения наиболее интенсивно происходил на Украине. Но эти данные отражают ситуацию по странам в целом. В отношении Белорусско-Российско-Украинского приграничья ситуация ещё критичнее. Так именно эти белорусские области потеряли в сумме 478,3 тыс. чел., что составило уже 9,4%. В отношении России ситуация двоякая: в расчёте на весь пограничный участок (9 регионов) разница по сравнению со страной в целом не слишком сильна – минус 689,0 тыс. чел. или 3,9%, но если рассматривать только сухопутный участок без Краснодарского края

и Адыгеи – убыль составила 833,4 тыс. чел., т.е. 6,9%. На украинском участке ситуация схожая: потери всех 14 пограничных регионов составили 1918,6 тыс. чел., т.е. 7,7% (среднеукраинский уровень), но без южных приморских регионов – это 1771,2 тыс. чел., или 10,5%.

На карте (рис. 4) отчётливо видны регионы, потерявшие максимальное количество (величина зелёного квадрата) и долю от численности населения в 2000 г. – Донецкая (-530,4 тыс. чел., 12%), Луганская (-341,0 тыс. чел., 15,6%), Харьковская (-209,1 тыс. чел., 7,6%), Ростовская, Запорожская, Черниговская, Сумская, Курская, Брянская, Витебская (по 150–200 тыс., 5–17%), Житомирская, Киевская, Могилёвская, Псковская, Херсонская, Смоленская, Воронежская, Гомельская (по 100–150 тыс. чел., 5–19%), Брестская, Волынская, Ровненская области, Крым (по 25 – 95 тыс. чел., 2–7%), в Адыгее депопуляция несущественная – 6,6 тыс. чел., 1,5%. Редчайшими исключениями выступают регионы, в которых за данный период наблюдался прирост населения: Киев (247,2 тыс. чел., 8,8%), Краснодарский край (151,0 тыс. чел., 2,9%), Белгородская область (34,4 тыс. чел., 2,2%) и Севастополь (+0,1 тыс. чел.).

Потенциал поля расселения

В качестве одного из сюжетов проанализирована возможность расчета и картографирования потенциала поля расселения для приграничных территорий и созданы две карты с учетом глобального демографического влияния и собственного населения вокруг российско-украинской границы [Колосов, Тикунов, Калинин, Федорченко, 2008]. Расчет потенциала поля расселения может производиться разными методами [Тикунов, 1997]. Для расчета потенциала (${}_jV_i$) непосредственно в населенных пунктах можно пользоваться формулой:

$${}_jV_i = \sum_{i=1}^{n-1} W(d_{ij}) P_i, \quad \text{где} \quad \begin{cases} W(d_{ij}) = 3/2 - 1/2d^2, & d \leq 1 \\ W(d_{ij}) = 1/d, & d > 1 \end{cases} \quad (1)$$

где P_i - людности населенных пунктов (i), d_{ij} - расстояние между любой точкой территории (j) со всеми населенными пунктами (i).

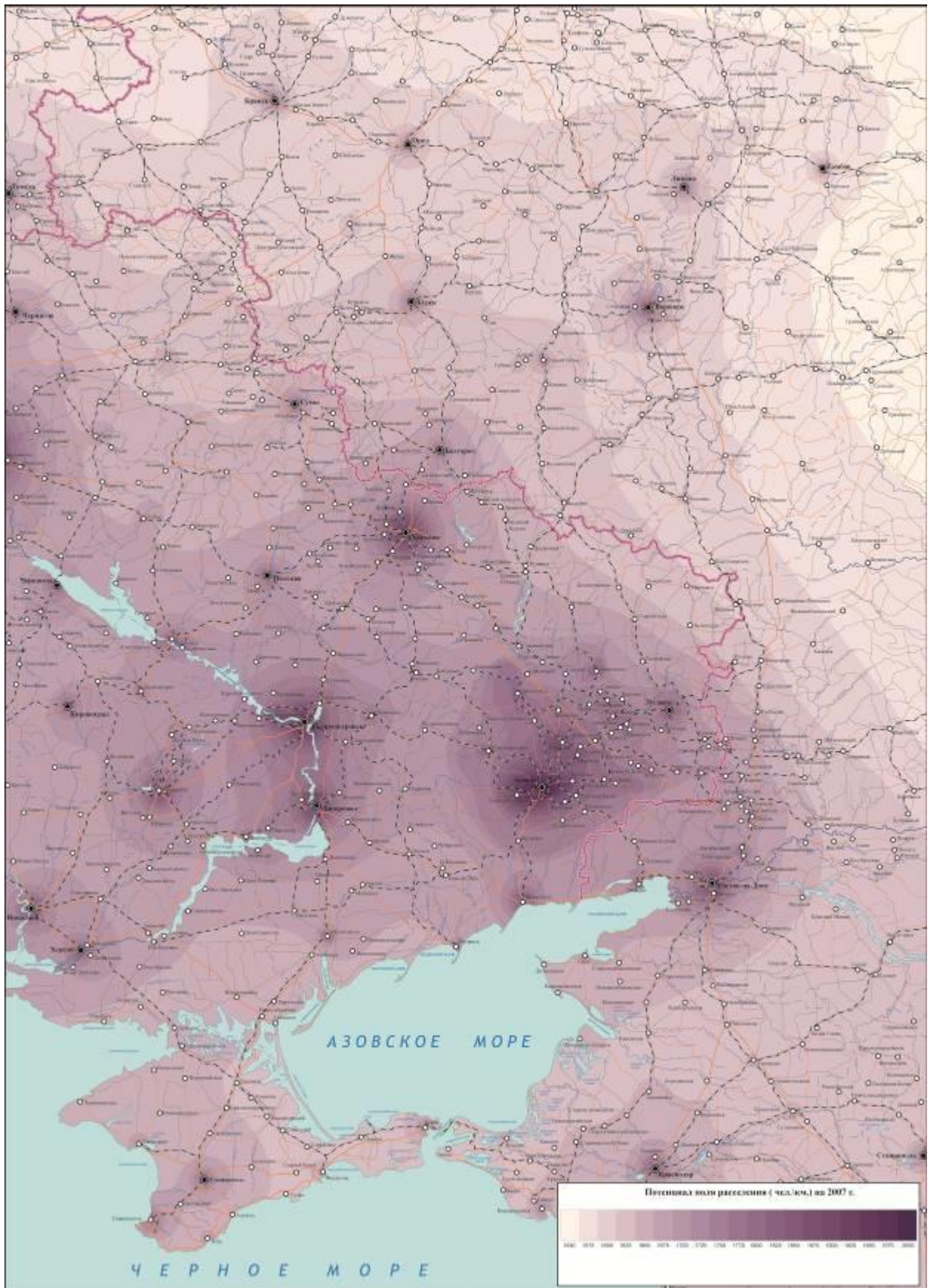
В нашем случае для расчета потенциала поля расселения на пограничную территорию использовалась методика глобального потенциала, что позволяет получать результаты, которые можно сравнивать между собой, поскольку для их расчета используется население всей Земли. Соответствующая методика предложена в работе [Тикунов, 2003], где в качестве основы населенных пунктов бралась сетка городов с численностью населения более 10-20 тыс. жителей (всего более 20 тыс. городов). Следует отметить, что полученную сетку вряд ли можно назвать однородной, т. к. для ряда небольших стран учитывались населенные пункты с численностью более тысячи человек, тогда как для таких крупных по населению стран как Китай или Индия ценз был на уровне 25-30 тысяч. Однако в глобальном масштабе различия вряд ли существенны, особенно если «привязать» к городам окрестное население. В итоге в расчетных моделях было учтено все население мира. Сельское население, составляющее в среднем около 50%, включено в рассчитываемые модели по упрощенной схеме. Оно прикреплялось пропорционально с его долей в каждой стране к городским пунктам пропорционально их численности. Правильнее говорить даже не о городском и сельском населении, а о жителях пунктов с людностью более 10-20 тыс., и всех остальных, география которых точно учтена на уровне стран, а в их пределах повторяет географию населения, живущего в пунктах указанного размера.

Для расчетов можно также воспользоваться регулярной решеткой, узлами которой будут все пересечения параллелей и меридианов с шагом, например, в 12 минут, для которых и рассчитываются значения потенциала. В этом случае формулу (1) можно преобразовать следующим образом:

$${}_jV_i = \sum_{k=1}^n w(d_{l_{ij}m_k}) P_k, \quad (2)$$

где l_{ij} – количество узлов регулярной решетки (пересечение параллелей и меридианов), m_k – число населенных пунктов, используемых для расчетов.

Проведенные по данной методике расчеты позволили создать карту, представленную на рис. 6. Для ее создания использовался программный пакет, разработанный Калинкиным И.В. в Лаборатории комплексного картографирования МГУ. Для показа значений потенциала на карте был применён графический способ изображения известный как изолинии с послышной окраской. Это позволило показать сплошное распространение потенциала поля. Цвет подбирался для шкалы таким образом, чтобы наиболее насыщенные тона соответствовали наивысшим по абсолютному значению показателям. Непосредственно составление и оформление карт выполнено О.В.Федорченко.



*Рис. 6. Карта потенциала поля расселения
Российско-Украинского приграничья, 2013 г.*

Анализ карты позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в целом прилегающие к России регионы Украины более плотно заселены, более урбанизированы и экономически более освоены. Потенциал поля расселения - иными словами, ареал потенциального тяготения украинских городов заходит далеко вглубь российской территории, охватывая не только все приграничные административные районы и города,

значительную часть приграничных областей, но и соседние российские регионы второго порядка – например, большую часть Орловской, Липецкой и Тамбовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. «Наведенный» потенциал украинских городов сильнее даже в Ростовской области, возглавляемой городом-миллионером (за исключением Ростовской агломерации и прилегающих к ней районов).

Во-вторых, карта потенциала поля расселения обнаруживает большие различия между различными участками границы. Влияние украинских городов приблизительно одинаково на севере и на юге центральной части пограничья. На северных участках границы соседствуют периферийные сельские районы, которые выглядят как экономическая пустыня. Автомобильное движение через границу слабое, много заброшенной пашни. Однако с украинской стороны культура земледелия выше, необработанных полей меньше, а при приближении к Сумам наблюдается экономическое оживление.

Наиболее узка полоса повышенного потенциала поля украинских городов на юго-востоке Воронежской и северо-западе Ростовской области – там, где выступ территории Украины вдаётся глубоко на восток. Это степные, относительно малонаселенные сельские районы, наиболее удаленные как от украинских, так и российских крупных городов. Характерно, что на этом участке границу не пересекают значительные железнодорожные и автомобильные магистрали.

Напротив, «язык» повышенного потенциала поля расселения захватывает не менее трети Белгородской области вместе с самим Белгородом и большую часть Курской области. Сказывается близость второго по величине города Украины, ее бывшей столицы – более чем полуторамиллионного Харькова, отстоящего от границы всего на 25 км, а в Курской области – также близкого к границе города Сумы. В харьковско-белгородском пограничье существуют особенно благоприятные предпосылки для апробации различных моделей приграничного сотрудничества. Через Харьков и Белгород проходит полимагистраль (железная и параллельная ей автомобильная дорога), обслуживающая значительную часть торговли между двумя странами и мощные транзитные потоки. По этой магистрали проходит более половины товарооборота между Россией и Украиной. Роль небольшой Белгородской области в нем довольно значима. Ее товарооборот с Харьковской областью составляет 7,8% от общего потока, между Белгородской и Луганской – 5,4% и между Белгородской и Сумской – 1,4%. Небольшой объем собственно приграничной торговли объясняется крайней ограниченностью кооперационных связей, отсутствием единого информационного пространства. Главный город этой части пограничья – Харьков, второй по значению город Украины, крупнейший промышленный и культурный центр. Его отделяет от динамично развивающегося российского Белгорода всего около 70 км. Однако экономика Харькова выходит из кризиса медленно: рост наметился только в 2005 г., промышленность, ориентированная на связи с Россией и военно-промышленный комплекс, так и не восстановилась, развитие бизнеса и городского хозяйства тормозится высокими ценами на энергоносители. Харьков потерял за последние 15 лет почти 150 тыс. жителей. Белгород, напротив, никогда так стремительно не развивался. Город использует выгоды своего приграничного положения, обслуживая деловые и торговые связи между Россией и Украиной. Харьковская и Белгородская области – части историко-культурной области Слобожанщина, заселявшейся украинскими и русскими крестьянами: жители соседних районов и поныне поддерживают тесные контакты.

Но наиболее значителен «наведенный» потенциал украинских городов на южном участке границы, разделяющей Западный (украинский) и Восточный (российский) Донбасс. Сказывается близость самой многонаселенной и урбанизированной области Украины – Донецкой, а также части Донбасса, расположенной у самой границы в Луганской области. Во всей западной части Ростовской области, в российском Донбассе (в районе городов Шахты, Новошахтинск, Гуково и др.) потенциал украинских городов не меньше, чем российских. Его повышенные значения наблюдаются на севере Краснодарского края, включая весь Таманский полуостров, и во всей западной, наиболее развитой части Ростовской области.

Карта локального потенциала (рис. 7), где учитывалось только население приграничных территорий, позволяет уточнить эту картину. На ней хорошо видно, насколько слабо урбанизировано в целом российско-украинское пограничье. Экономике приграничных регионов слабо связаны между собой и в значительной степени ориентированы в сторону «от границы». Некоторое исключение представляет собой Донбасс и районы вдоль приморской транспортной оси Ростов - Таганрог - Мариуполь и трансграничного «коридора» Ростов – Таганрог – Донецк, некогда части полимагистрали, соединявшей центральные районы СССР с Кавказом.

Таким образом, в российско-украинском пограничье очевидна двойная социально-экономическая асимметрия – между районами по разные стороны границы и между северной и южной частями пограничья в целом. На всем протяжении границы основные показатели экономической деятельности и уровень жизни населения в 1,5-2 раза выше с российской стороны.

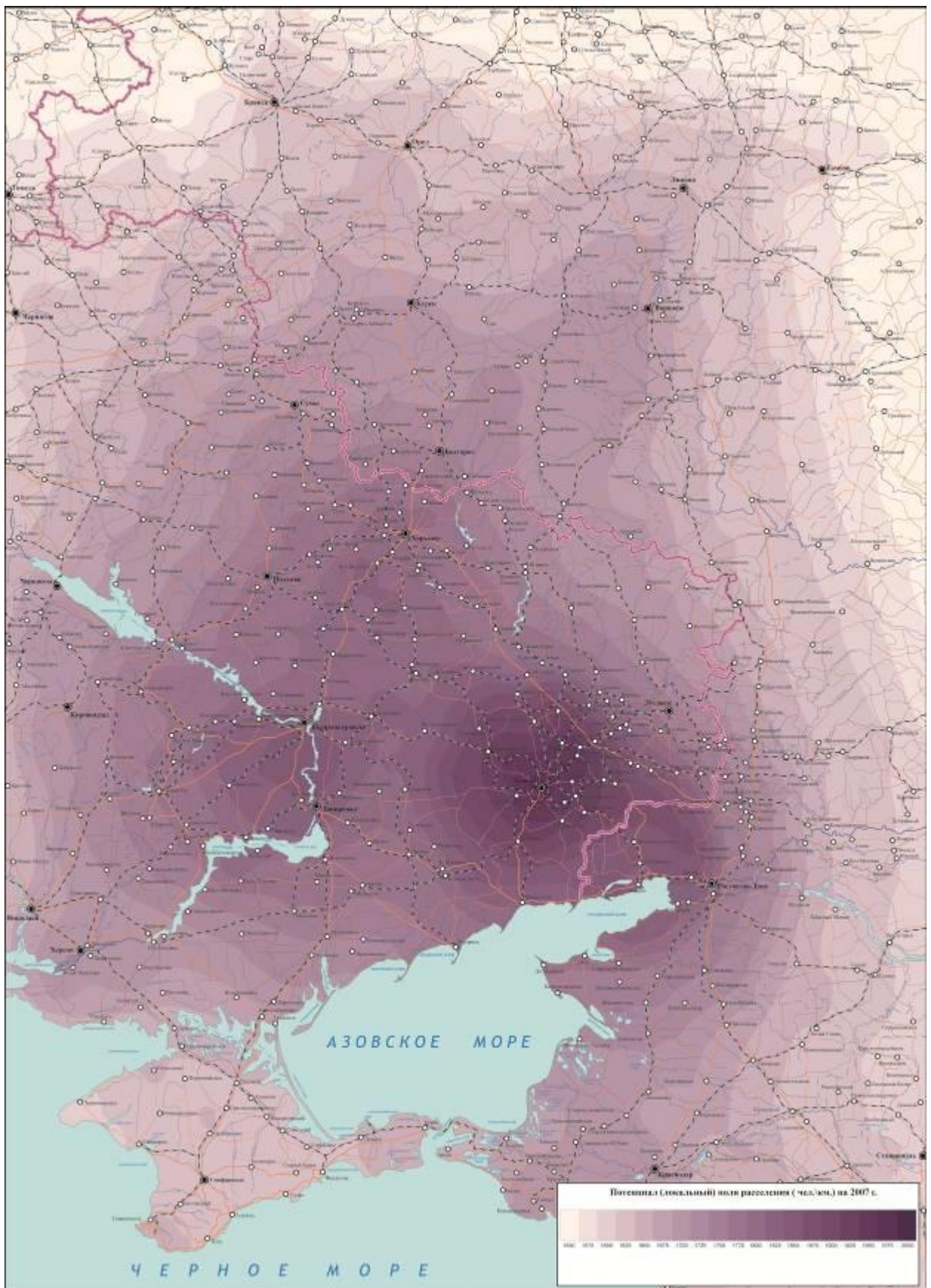


Рис. 7. Карта локального потенциала поля расселения
Российско-Украинского приграничья, 2013 г.

Социально-экономический блок

Специфической особенностью пограничья трех стран являются сильные трансграничные градиенты в парах непосредственно соседствующих регионах. Максимальные различия наблюдаются в пределах российско-украинского пограничья, где все российские регионы в той или иной степени превосходят

украинские по размеру душевого ВРП (по ППС). Так, Белгородская область, один из наиболее благополучных регионов российского пограничья, превосходит Луганскую область в 1,9 раза, Харьковскую – в 2,7, Сумскую – в 3,8 (см. рисунок 7). На данном участке пограничья сопоставимыми по данному показателю являются только Донецкая и Ростовская области, при перевесе в 10,5% в пользу последней. Прочие российские регионы обгоняют по этому показателю своих украинских соседей в 1,5-2 раза.

Чуть меньшие градиенты наблюдаются на украинско-белорусском пограничье, однако и здесь очевиден двукратный перевес в пользу белорусских регионов. Максимальны различия между Гомельской и Ровенской областями (душевой ВРП первой больше в 2,4 раза), минимальны – между Гомельской и Киевской (душевой ВРП первой больше на 15%)

Минимальны различия в величине душевого ВРП среди областей российско-белорусского пограничья. Могилевская область опережает Брянскую лишь на 8%, а Витебская область Псковскую область – на 5%. Региональным лидером здесь выступает Смоленская область, которая опережает Витебскую и Могилевскую области почти в 1,2 раза.

В период с 2000 по 2008-е гг. на фоне общего для трех стран экономического роста шел активный процесс трансформации структуры хозяйства в пограничных регионах. Главным направлением этой трансформации было постепенное снижение доли отраслей материального производства с одновременным ростом удельного веса сферы услуг. В отдельных частях пограничья каждой из стран трансформационные процессы имели свою специфику.

В *украинском пограничье* на фоне довольно интенсивного роста активные сдвиги в экономической структуре наблюдались в гипериндустриальных регионах Северо-Востока и Донбасса (см. рисунок 8). Так, если в начале 2000-х гг. ВРП этих регионов более чем на 40% формировался промышленностью (Луганская область 67,6%, Донецкая 61,6%, Сумская – 45,1%), то в 2010 г. доля промышленности здесь снизилась почти в 1,5 раза. Главным «рекордсменом» здесь оказалась Харьковская область, доля промышленности в которой уменьшилась в 2,2 раза (с 46,8 до 21,4%). Одновременно с этим происходило изменение структуры валовой добавленной стоимости промышленности: выросла доля добывающих отраслей при снижении доли перерабатывающих. Так, в Луганской области доля добывающих отраслей выросла в 1,4 раза, в Донецкой и Сумской - в 1,2 раза.

В среднем в 1,5-2 раза сократилась здесь доля сельского и лесного хозяйства, но при этом более чем в 2 раза выросла доля сферы услуг. В результате, во всех перечисленных регионах (кроме Луганской области) ВРП в 2010 г. более чем на 50% складывался из отраслей третичного сектора.

Похожие процессы происходили и в аграрно-индустриальных пограничных регионах Северо-Западного и Столичного районов Украины. Почти двукратное снижение доли промышленности, сельского и лесного хозяйства сопровождалось эквивалентным ростом доли сферы услуг. Так, в если в 2000-м г. в Волынской области доля сельского хозяйства в 2001 г. составляла 31,2%, то к 2010 г. она снизилась до 16,9% (доля промышленности с 27,6% до 15,6%), при этом доля сектора услуг выросла с 36,5% до 67,5%.

К 2000 г. быстрый восстановительный рост экономики наблюдался во всех регионах *российского пограничья*. Несмотря на заметное влияние кризисных явлений на динамику ВРП в 2009-2010 гг. (сильнее всего пострадали Ростовская, Брянская и Псковская области), большинство регионов восстановили докризисные показатели ВРП уже к 2011 г. Максимальный прирост за первое десятилетие нового века показали Белгородская и Ростовская область (ВРП вырос более, чем в 2,2 раза), минимальные – Смоленская и Воронежская (см. рисунок 9).

В отличие от Украины и Белоруссии доля сельского и лесного хозяйства в отраслевой структуре уже в 2000-х гг. была не так велика. Все следующее десятилетие продолжалось снижение их удельного веса в экономике областей. В 2010-2011 г. даже в регионах Черноземья и Юга России доля сельского и лесного хозяйства колебалась на уровне 10-12% (в целом по России – 4,7%). В нечерноземных регионах, граничащих с Белоруссией, доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости не превышала 7-8%.

В некоторых регионах российского пограничья одной из лидирующих отраслей до сих пор остается промышленность. В Курской и Белгородской областях её доля с 2000 по 2010 г. даже несколько выросла (с 32,5% до 45% и с 34,8% до 41% соответственно), однако основным драйвером роста в обоих регионах стали добывающие отрасли. В других областях вклад промышленности в ВРП изменился мало и колеблется в среднем от 20 (Псковская и Брянская области) до 30% (Смоленская область). Доля сферы услуг заметно выросла и в большинстве регионов превысила 50%, а в депрессивных Брянской и Псковской областях – 60%.

В *Белоруссии*, где показатель ВРП не рассчитывался до 2008 года, о трансформации структуры экономики регионов можно судить только по оценкам экспертов, большинство из которых утверждает, что после 1995 г. она поменялась не слишком значительно. Макроотраслевая структура ВВП Белоруссии действительно не претерпела существенных изменений с 1995 года. Это позволяет согласиться с оценками экспертного сообщества, что во всех регионах страны промышленность оставалась ведущей отраслью экономики (не менее 30%), а удельный вес отраслей производящих товары был примерно равен доле отраслей производящих услуги. В 2010 году ведущей отраслью большинства белорусских пограничных регионов оставалась промышленность, максимальная доля которой наблюдалась в Гомельской и Витебской областях (35,9 и 34,4% соответственно), минимальная – в Брестской (27,3%). В тоже время Брестская и Могилевская области имели максимальный удельный вес сельского хозяйства в ВРП (15,2 и 16,1%), а минимальный – Витебская (12,4%).

Составленные коллективом карты, в частности, выявили сильные различия между регионами пограничья по величине и структуре экономики, уровню социально-экономического развития и его темпам. В 2011 г. самый высокий ВРП по ППС на душу населения отмечен в Белгородской области. На этом участке пограничья между соседними областями сложились наиболее резкие градиенты: Белгородская область опережает по этому показателю соседние Луганскую, Харьковскую и Сумскую области соответственно в 1,9, 2,7 и 3,8 раза, как тогда уровень Ростовской и Донецкой областей близок. Большая часть экономического потенциала общего пограничья сосредоточена в его южной части, где в советское время сформировалась трансграничная крупнейшая Донецко-Азовская агломерационная система, насчитывающая около 10 млн. чел. – вторая после Московской на всем постсоветском пространстве. В другой крупной трансграничной агломерации – Харьковско-Белгородской - проживает около 3 млн. чел. В средней части имеется густая сеть небольших городов – потенциальной основы «новой индустриализации». Оптимальным сочетанием факторов для развития приграничных хозяйственных связей характеризуются участки Луганск - Алчевск – Каменск-Шахтинский - Красный Сулин - Шахты и Донецк - Макеевка – Ростов-на-Дону - Таганрог.

Карты атласа показывают, что дифференциация регионов пограничья по социальным показателям, исчисленным по ППС, менее значительна, чем по экономическим. Так, в Харьковской и Сумской области заработная плата по ППС в 2012 г. составляла соответственно по 77% от уровня Белгородской и Курской, а в Черниговской – 80% от уровня Брянской. В большинстве регионов уровень заработной платы и доходов населения уступает средним по своей стране значениям. Трансграничные контрасты по социальным показателям более выражены, чем внутривосточные.

Примеры карт АИС при сопоставлении различных социально-экономических характеристик на локальном уровне (Курско-Сумской участок Российско-Украинского пограничья) показаны на рис. 8, 9: индексы благосостояния населения (среднемесячная заработная плата) и эффективность сельского хозяйства (урожайность зерновых). Ещё одним показателем благосостояния населения несомненно является уровень автомобилизации. Результат картографирования этого индекса, но уже на макрорегиональном уровне представлен на рис. 10.

Экономические градиенты приграничных регионов закономерно связаны с социальными, как правило, не менее резкими. Поправка на покупательную способность национальной валюты снижает контрасты между регионами разных стран, однако и в этом случае различия оказываются чрезвычайно велики.

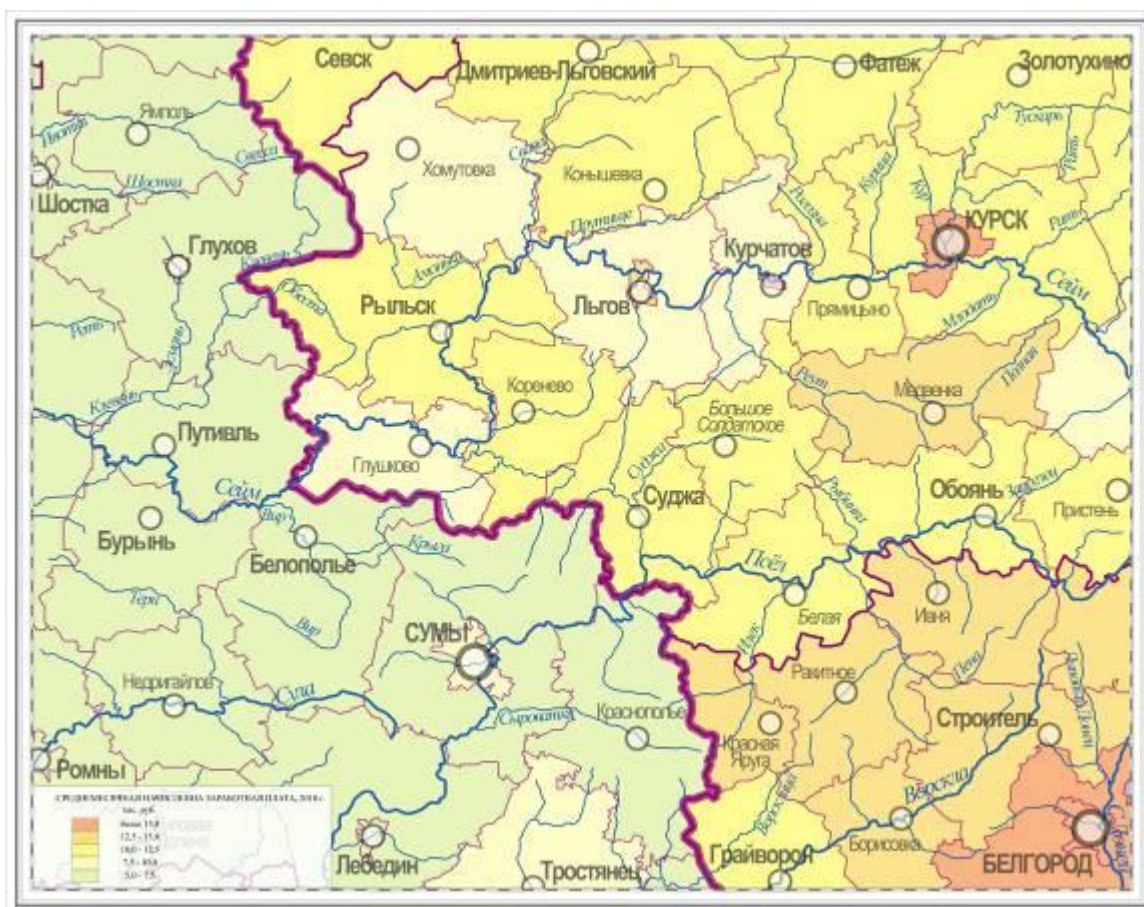


Рис. 8. Карта среднемесячной заработной платы в районах Курско-Сумского участка Российско-Украинского приграничья, 2010 г.

В течение всего первого десятилетия XXI в. наблюдался процесс дифференциации пограничных регионов по среднему доходу на душу населения. Главным источником доходов в пограничье трех стран является *заработная плата* (особенно с корректировкой на скрытые доходы), поэтому ее дифференциация по регионам в основном совпадает с распределением доходов.

Средняя номинальная начисленная заработная плата по курсу национальной валюты в 2012 г. была по России примерно вдвое выше, чем в Белоруссии и в Украине (соответственно, 864, 440 и 380 долларов). Но во всех российских регионах вдоль границы с Украиной ее уровень не достигал и $\frac{3}{4}$ среднего по стране (за исключением Белгородской области – 76% и Краснодарского края – 82%). Украинские пограничные области (кроме Донецкой, Киевской и Луганской областей), также относятся в своей стране к регионам с относительно невысокой заработной платой. Это еще больше усиливает градиент в оплате труда между двумя странами. Даже в «беднейшей» российской пограничной области (Брянской) средняя зарплата выше, чем в самой «богатой» пограничной области Украины (Донецкой). Уровень заработных плат в приграничных регионах Белоруссии сопоставим со общенациональным, различия между ними незначительны и не превышают 10%.

Различия становятся ещё более явными при сравнении пар пограничных регионов. Почти во всех российских областях (за исключением Ростовской области) оплата труда в среднем выше, чем в граничащих с ними украинских. Так, в Харьковской и Сумской области она составляет 77% от уровня Белгородской и Курской соответственно, а в Черниговской - 80% от уровня Брянской. На границе с Белоруссией даже Киевская область, не говоря уже об областях Северо-Запада Украины, отстает от уровня Брестской и Гомельской областей.

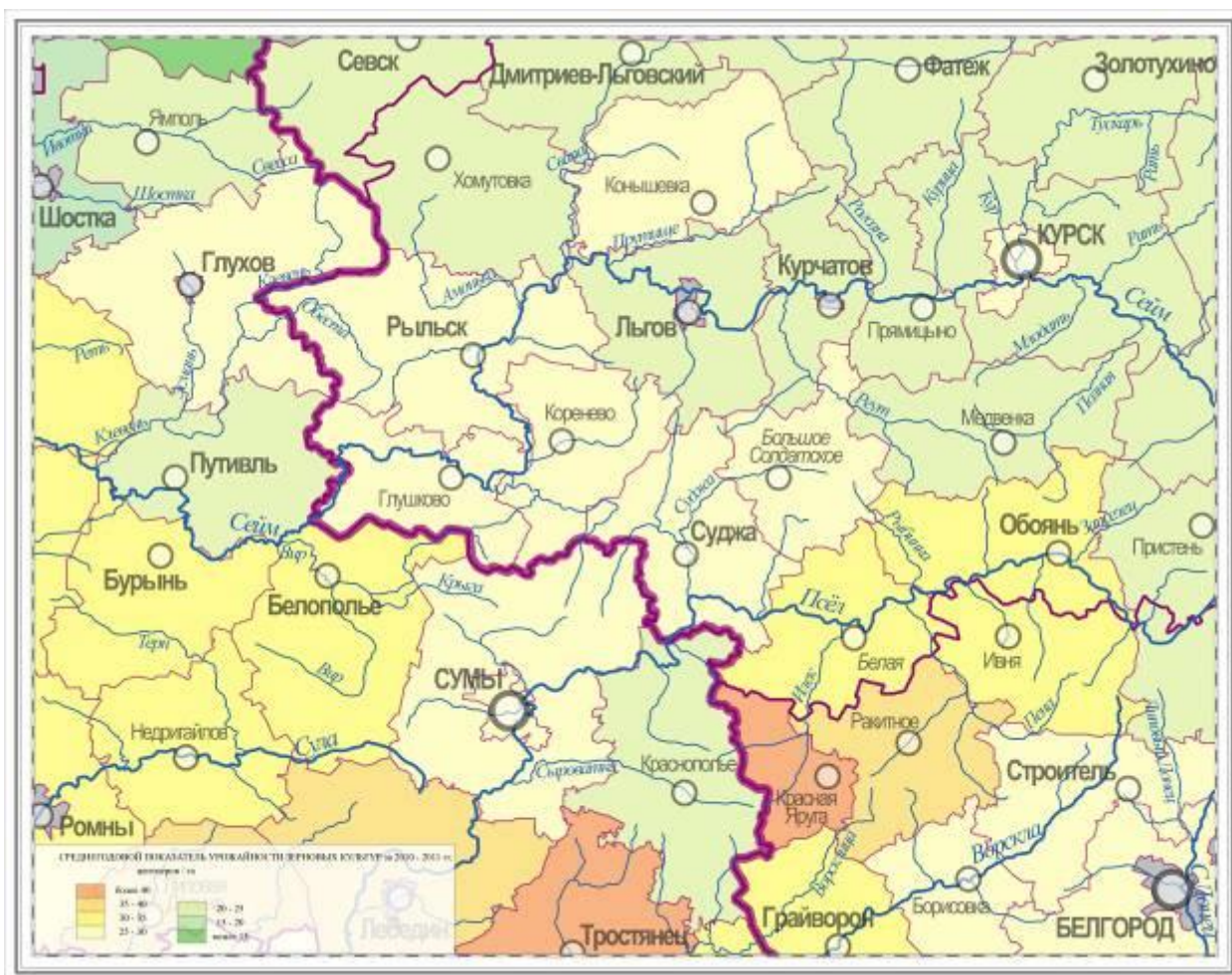


Рис. 9. Карта урожайности зерновых в районах Курско-Сумского участка Российско-Украинского приграничья, 2010–2011 гг.

Сельскохозяйственная специализация Курской и Сумской областей сходная, но в абсолютных и удельных показателях производства основных видов продукции наблюдаются значительные градиенты. В первую очередь, они объясняются почвенно-климатическими различиями, однако большое значение имеют и разные условия развития АПК. По урожайности зерновых культур Сумская область в среднем за 2007-2011 гг. существенно опережала Курскую. Этот показатель закономерно возрастает с северо-востока на юго-запад. Похожи различия в урожайности подсолнечника (в 2006-2010 гг. - в среднем 12,8 ц/га в Курской области и 17,4 - в Сумской). В то же время урожайность сахарной свеклы в обоих регионах отличается мало (в 2006-2010 гг. – в среднем около 390 ц/га). Однако в абсолютных показателях сельскохозяйственное

производство в Курской области гораздо крупнее. Так, по производству сахарной свеклы в среднем за пять лет Курская область превзошла Сумскую примерно в 6,8 раза. Это во многом объясняется массовым закрытием сахарных заводов в Украине ещё в 1990-2000-е гг. По валовому сбору зерна Сумская область также отстает в 1,3 раза. Аналогична картина и в животноводстве. В советские годы оба региона имели сопоставимые объемы производства мяса, а по производству молока Сумская область превосходила Курскую в 1,2 раза. Но ныне Курская область производит в 2,5 раза больше молока и почти в 5 раз больше мяса, чем Сумская. В целом по объему производства сельскохозяйственной продукции со второй половины 2000-х гг. Сумская область отстает от Курской примерно в 1,4 раза.

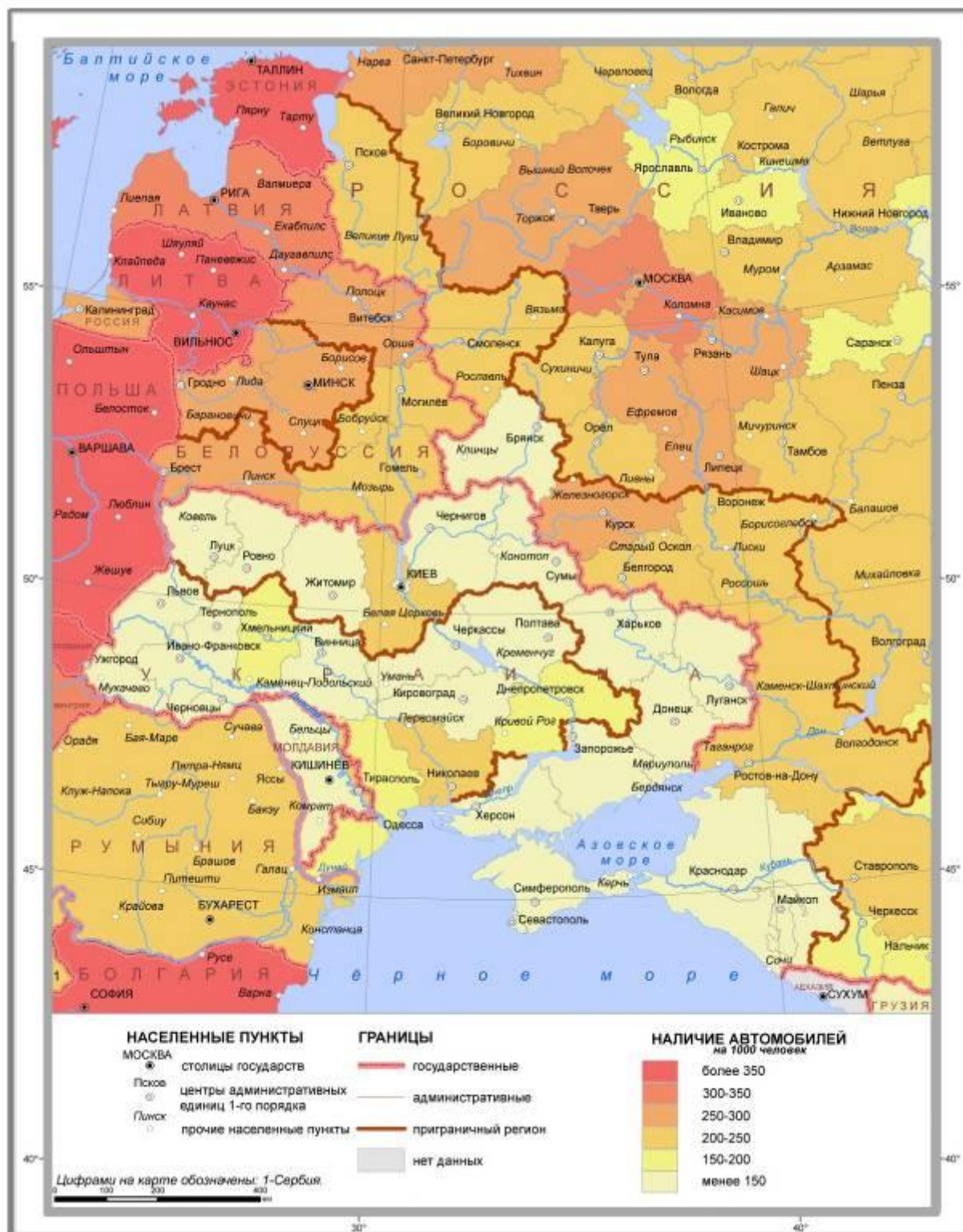


Рис. 10. Карта обеспеченности автомобилями населения Белорусско-Российско-Украинского приграничья, 2011 г.

Направленность атласа на практические нужды приграничного сотрудничества усилят *прогнозные карты*. Здесь особенно эффективен полимасштабный подход – показ явлений как в масштабе всего пограничья или даже своей страны в целом, так и в масштабе региона или отдельной местности, в которых взаимодействие между сторонами может быть наиболее полезным. В качестве примера можно привести карту потенциала социально-экономических связей между пограничными регионами Беларуси, России и Украины (рис. 11). На ней показаны, во-первых, основные пересекающие границы автомобильные и железнодорожные магистрали, которые намечается модернизировать и превратить в скоростные, перспективные морские порты и аэропорты, в том числе те, которые могут использоваться жителями и субъектами хозяйственной деятельности соседних регионов другой страны. Во-вторых, трансграничные реки, образующие международные речные бассейны, использование и охрана которых требует двух- или трехстороннего сотрудничества. В-третьих, выделены пары или системы городов и населенных пунктов разного ранга, расположенных вблизи границы, удалённых друг от друга не более чем на 50 км и связанных автомобильными и железными дорогами (например, Белгород – Харьков, Шебекино – Волчанск и др.).

На участке белорусско-российской границы к таким парам (группам) могут быть отнесены Себеж – Верхнедвинск, Полоцк – Невель, Сураж – Велиж, Лиозно – Рудня, Дубровно – Гусино, Мстиславль – Хиславичи, Кричев – Рославль, Костюковичи – Сураж, Гомель – Клинцы. На участке белорусско-украинской границы – Домачево – Шацк, Малорита – Заболотье, Иваново – Любешов, Пинск – Заречное, Столин – Дубровица, Лельчицы – Олевск, Ельск – Овруч, Наровля – Вильча, Комарин – Славутич, Лоев – Радуль, Гомель – Добрянка, Тереховка – Городня. На участке российско-украинской границы – Климово – Семёновка, Погар – Новгород-Северский – Знобь-Новгородское, Суземка – Середина-Буда, Хомутовка – Червоное, Рыльск – Глухов, Глушково – Тёткино – Белополье – Ворожба, Суджа – Сумы, Красная Яруга – Краснополье, Грайворон – Великая Писаревка, Белгород – Харьков, Шебекино – Волчанск, Валуйки – Вейделевка – Уразово – Купянск – Троицкое, Ровеньки – Лозно-Александровка – Белолуцк, Кантемировка – Марковка, Чёртково – Меловое, Миллерово – Луганск, Каменск-Шахтинский – Краснодар, Гуково – Новошахтинск – Свердловском – Червонопартизанск, Матвеев Курган – Амвросиевка, Таганрог – Натальевка – Новоазовск Мариуполь, Тамань – Ильич – Керчь.

Безусловно, далеко не все из них представляют крупные населённые пункты и сформировали устойчивые территориально-производственные комплексы. Однако географическая близость сама по себе содержит определённый потенциал, отражающийся в той или иной мере и имеющий перспективы при определённых условиях. К сожалению, многие центры на протяжении последних двадцати лет теряли потенциал вследствие экономических условий и негативных демографических тенденций.

Тем не менее, такие группы поселений могут стать опорными базами приграничного сотрудничества и производственной кооперации. На карте видно, что еврорегионы покрывают ныне всю территорию пограничья, но некоторые из них, как показывает европейский опыт, слишком крупные. Наконец, отмечены наиболее значительные университеты – потенциальные локомотивы инновационного развития, в том числе входящие в приграничный российско-украинский университетский консорциум.

В целом анализ собранных данных показал, что пограничные градиенты связаны, прежде всего, с различиями в уровне жизни населения. Россия раньше вступила на путь рыночных реформ, а ее структура хозяйства во многих регионах претерпела более заметную перестройку.

Общий вывод из уже проделанной работы заключается в том, что следует избежать углубления социально-экономических контрастов как между соседними районами Украины и России, так и внутри пограничья каждой из них. Для этого нужно координировать стратегии развития приграничных регионов, а в перспективе – региональную политику и территориальное планирование. Усложнение торговых отношений с Украиной в результате ее ассоциации с ЕС не должно оказывать угнетающего влияния на экономику приграничных регионов России. Ожидаемое ужесточение таможенного регулирования на границах Украины со странами Таможенного союза должно быть компенсировано поддержкой деятельности еврорегионов, развитием транспорта и логистики, предоставлением налоговых преференций для новых производств среднего и высокого технологического уровня. Создание зоны свободной торговли между Украиной и ЕС не только порождает новые проблемы, но и открывает определенные возможности для России ввиду возможного облегчения выхода через Украину на рынок стран ЕС.

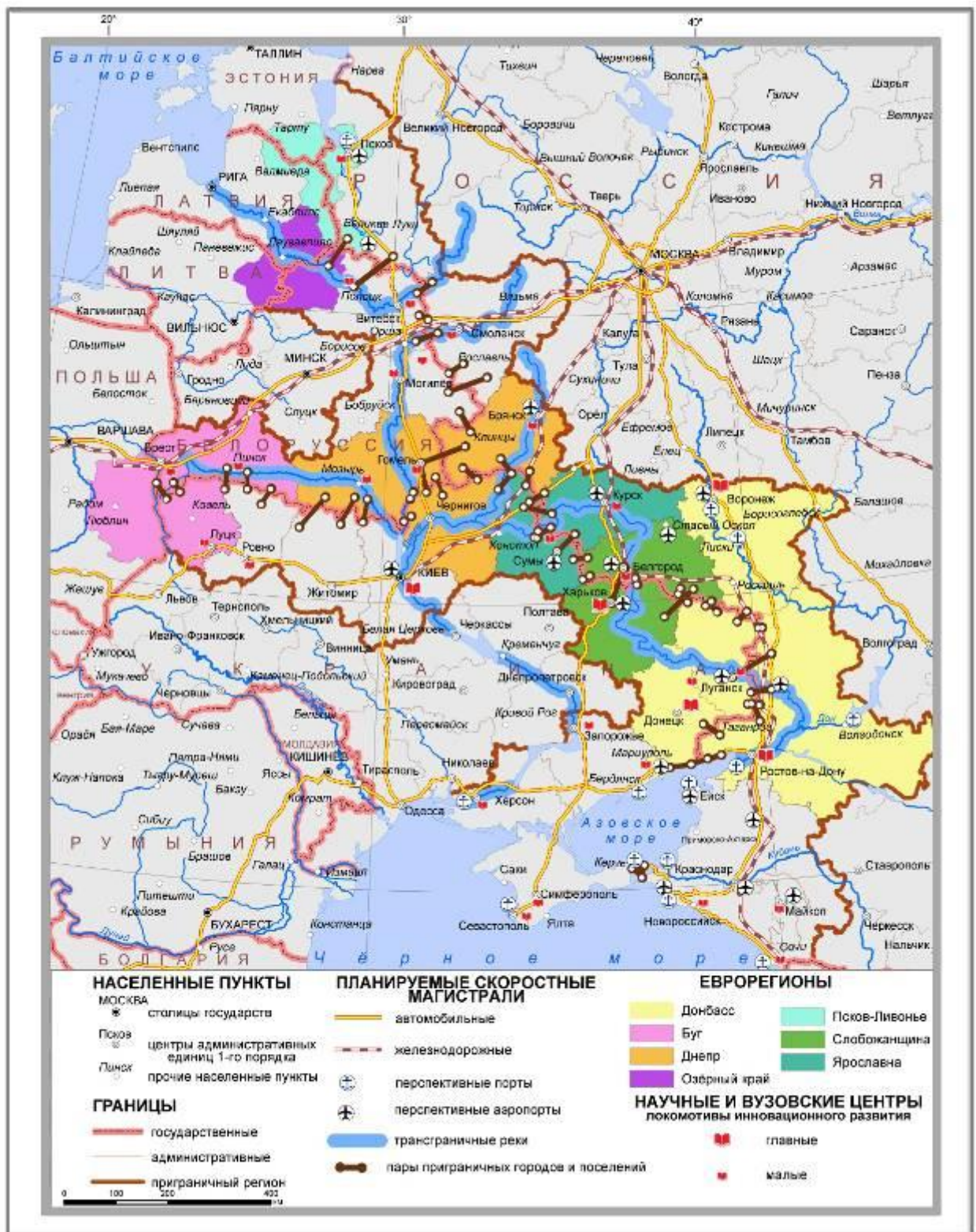


Рис. 11. Карта потенциала социально-экономических связей Белорусско-Российско-Украинского приграничья, 2013 г.

Работа выполнена в рамках проекта Ф53.6/018 Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины и проекта 13.05.904.25 Укр. ф-а Российского фонда фундаментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардомский Л. (2009) *Российское порубежье в условиях глобализации*. Москва: Книжный дом «Либроком».

2. Глинкина С.П., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Головина Е.Д., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. – ЦИИ ЕАБР, СПб., 2013.
3. Двадцать лет разделённого единства: Экспедиционные записки. – Смоленск: Ойкумена, 2012.
4. Катровский А., Ковалев Ю. (2012) *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*. Смоленск: Универсум.
5. Колосов В.А., Герцен А.А., Зотова М.В., 2011. Приграничные регионы. Серия карт // Атлас социально-экономического развития России – М.: ПКО «Картография», 2010.
6. Колосов В.А., Тикунов В.С., Калинин И.В., Федорченко О.В. Картографическое обеспечение приграничного сотрудничества (пример карт потенциала поля расселения в российско-украинском пограничье). - Материалы международной конференции "Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт", ИнтерКарто/ИнтерГИС 14, Саратов, Урумчи, т.3, 2008, с. 169-177.
7. Краак М.- Я., Ормелинг Ф. Картография: визуализация геопространственных данных. Пер. с англ. под ред. В.С.Тикунова. – М., Научный мир, 2005, 325 с.
8. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А.Колосова и О.И.Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011
9. Тикунов А.В. Планетарные потенциалы социально-экономических явлений // Известия РАН. Сер. географич. 2003, № 6. С. 51-57.
10. Тикунов В.С. Моделирование в картографии. М., Изд-во МГУ, 1997, 405 с.
11. Тикунов В.С. Атласная информационная система «Устойчивое развитие России» // Вестник Моск. Ун-та. Сер.5.География. 2002, №5. – С.21-31.
12. Тикунов В.С. Комплексные цифровые модели территорий для их устойчивого развития. - В кн.: Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика. Под. ред.А.Г. Дружинина, В.Е.Шувалова, Ростов-на-Дону, Изд-во ИнфоСервис, 2004, с.189-192.
13. Ormeling F. Atlas Information Systems - 17th Int. Cartogr. Conf. and 10th Gen. Assembly ICA. Barcelona, Sept. 3rd - 9th, 1995. Proceedings, vol. 2, Barcelona, 1995, pp.2127-2133.

КИРОВОГРАДСКАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НА УКРАИНЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

О.В. Бабич

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова

г. Кировоград. Украина

THE KIROVOGRAD SYSTEM OF SETTLEMENT IN UKRAINE AIMED AT SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

O.V. Babich

National Pedagogical Dragomanov University

Kirovograd. Ukraine

Abstract. The article reviews the current functional-and-territorial structure of the population settlement in Kirovohrad Oblast. The main components of territorial hierarchical structure have been specified and characterized. Suggestions have been made concerning the improvement of the system for the balanced development of the territory in the future.

Постановка проблемы.

В развитии Украины продолжают происходить трансформационные изменения, касающиеся экономической, социальной, экологической, правовой, управленческой и других сфер деятельности. Данные процессы не могли не отразиться и на развитии системы расселения страны и отдельных регионов.

Изменились уровень развития и специализация хозяйства, численность населения, функциональная роль населенных пунктов в территориальном развитии регионов. Поэтому решение проблем расселения является одним из важнейших факторов в обеспечении устойчивого (сбалансированного) развития территорий.

Анализ последних исследований и публикаций.

Научные труды многих ученых посвящены решению вопросов сбалансированного (устойчивого) развития территорий. Данная проблематика рассмотрена в работах: В.П. Нагирной «Территориальная